

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ В УРАЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ XIX ВЕКА.

При анализе модернизационного процесса в России значительный интерес представляет такой его аспект, как переход от моделей, способов, образцов занятости, предполагающих личную зависимость работника от нанимателя и специфических для традиционного общества, к ее формам, основанным на взаимной свободе выбора и ответственности, и характерным для современного общества. При некотором общем подходе к предмету исследования можно сформулировать эту проблему, как проблему преодоления социального патернализма — достаточно специфичной и интегрирующей культурно-цивилизационной парадигмы. Это предполагает содержательное изучение самого феномена патернализма в его историческом развитии.

Концепт патернализма специфицирует некоторые, преимущественно восточные, модели занятости и мобилизации работников в противовес европейской модели, основанной на отчужденном труде. В некотором смысле патернализм является проекцией реальных архаичных институтов (например, патриархальной семьи и домашнего рабства) на отношения капиталистического найма. Обычно он рассматривается в литературе для обозначения особого типа классовой идеологии, в котором представление о работодателе связывается у рабочих с понятиями «отца», покровителя. Согласно патерналистскому мифу, хозяин, нанимая рабочего, принимает тем самым на себя функции попечителя, обязанного заботиться о благосостоянии и поведении работника и, соответственно, несущего за него высшую моральную ответственность. Последний же выступает, в данной модели отношений в роли младшего члена семейства, связанного известными моральными обязательствами. Беспрекословное подчинение работодателю и уважение к нему санкционируется патерналистским сознанием в качестве естественных норм социальных отношений. Патерналистская идеология является, таким образом, эффективным средством для обеспечения необходимого классового компромисса.

Вместе с тем, понимание патернализма как исключительно идеологического либо социально-психологического феномена, принадлежащего сфере менталитета, затемняет то обстоятельство, что

объективная его основа находится не столько в области этих древних социальных институтов, сколько в реально действующих социальных отношениях.

Определяя характер реальных общественных отношений, продуцирующих патерналистское сознание, мы тем самым даем более широкое и объективно ориентированное определение патернализма, нежели прежнее. В нашем понимании, патернализм — это такая организация производственных отношений, при которой предприниматель выступает источником и гарантом осуществления рабочими их гражданских (либо сословных) прав во внепроизводственной сфере. При таком понимании патерналистское сознание рассматривается как субъективная сторона патернализма как такового. Это имеет совершенно определенный методологический смысл. Наличие патерналистской идеологии в данном обществе может означать для исследователя то обстоятельство, что в хозяйственно-правовой сфере должны присутствовать соответствующие институты внеэкономического принуждения.

Россия издавна характеризуется сильнейшими традициями патерналистского сознания. Патерналистские отношения, свойственные русской промышленности, опосредованы наследием крепостной вотчины. Государственные архивы содержат многочисленные свидетельства этого: прошения и жалобы рабочих и, с другой стороны, распоряжения, инструкции, письма заводоладельцев подчиненным им заводским чиновникам ярко характеризуют эти отношения попочительства, построенные по образцу отношений «барин-крепостной».

Одной из наиболее любопытных в свете последующего исторического развития разновидностей патернализма в России надо признать государственный промышленный патернализм. До сих пор он не был предметом специального исследования. Отечественная историография крайне скудна в этом отношении. Анализ личной зависимости работника при докапиталистических формах эксплуатации останавливается, как правило, на конкретных формах проявления такой зависимости, без проникновения в ментальные архетипические структуры, способные прояснить ее феноменологию.

В дореволюционной литературе тема казенного «попочительства» возникла достаточно поздно, когда либеральная общественная мысль могла уже подвергнуть рефлексии разницу европейского ти-

па рабочего и уральского рабочего. Естественно, что на первый план при этом выходили негативные следствия патерналистских отношений в уральской промышленности: речь шла о порожденном этой политикой отсутствии казенных мастеровых привычки к самостоятельности, к попечению о самом себе¹.

Немногочисленные исследования по истории казенных заводов, относящиеся к советскому времени, лишь изредка упоминают о льготах, предоставленных рабочим этих предприятий. Причина отсутствия интереса к теме патернализма в русской государственной промышленности имеет отчетливо идеологический характер. Историография советской эпохи стремилась представить межклассовые отношения дореволюционной России как непрерывный, то затухающий, то усиливавшийся конфликт, завершившийся в итоге Октябрьской революцией 1917 г. В этой финалистской схеме неконфликтным по форме отношениям не находилось места. Напротив, общим местом исследований по истории рабочего класса Урала, в частности, была апелляция к полемическим аргументам В.И.Ленина, направленным против тезиса о гармонии отношений уральских рабочих с заводчиками и рассматриваемым как высшая и последняя инстанция в теоретическом споре². Исследователю этой темы неизбежно пришлось бы концептуально увязывать факт государственного «попечительства» о рабочих с не подвергаемым в принципе сомнению тезисом официальной историографии о жестокой и злонамеренной со стороны самодержавия эксплуатации рабочих. Это с одной стороны. С другой стороны, анализ проблемы неизбежно ставил перед исследователем трудный, политически острый вопрос о том, существуют ли принципиальные отличия в социальной организации промышленности дореволюционной России и СССР, т.к. именно патерналистская политика господствовала в государственном хозяйстве страны в течение всего советского периода.

В последнее время ситуация изменилась лишь в том отношении, что необходимость изучения социального патернализма в русской промышленности историками осознана³.

Ставя своей задачей краткий предварительный анализ патерналистской политики самодержавия в государственной промышленности, определим те исторические условия, в рамках которых сфор-

мировалось государственное попечительство о рабочих казенных предприятий.

При возникновении и становлении уральского горнопромышленного района в XVIII в. правительство ориентировалось первоначально на опыт европейской промышленности с ее вольнонаемным трудом, денежными выплатами и сдельщиной. Однако уровень развития внутреннего рынка и на Урале, и в стране в целом оказался недостаточным для того, чтобы выявилась экономическая эффективность вольнонаемного труда. Во второй половине XVIII в. происходит попятное движение в сторону закрепощения рабочих, встраивание мастеровых в сословную общественную структуру,

Производственной единицей горнозаводской промышленности был округ — аналог феодальных сельскохозяйственных имений. В округной системе своеобразным способом отразились три основные формы латифундиальной земельной собственности России: вотчинная, поместная и государственная. На Урале сформировались постепенно частновладельческие, посессионные и казенные горные округа. Аналогия с сельскохозяйственным имением заключалась в наличии крупной земельной собственности при заводах, прикрепленности работников, сложности хозяйства при его полунатуральном характере, схожести управленческой структуры округа с вотчинным и поместным аппаратом управления. Эта аналогия еще больше усиливалась сезонным характером производственного цикла уральской металлургии, зависевшей от таких природно-хозяйственных факторов, как уровень воды в реках, прирост древесной массы в заводских дачах, условия перевозок в труднопроходимой и отдаленной от рынков сбыта гористой местности.

Вместе с тем имелись и существенные отличия округного хозяйства от его экономического прототипа. Промышленная специализация была системообразующим фактором уральской экономики. Отсюда все отступления от классической схемы феодального хозяйства. В этом плане самым важным фактором была функциональная необходимость обмена с сельскохозяйственными районами. Ни по производственным, ни по климатическим условиям мастеровые не могли обеспечить себе прожиточный минимум непосредственно — за счет крестьянской запашки и домашнего ремесла. В то же время рыночная реализация металла позволяла заводладельцам как возмещать часть стоимости переменного капитала де-

нежными выплатами, так и выступать в качестве посредников при крупных оптовых закупках зерна и фуража в сельскохозяйственных районах.

В этих условиях и развивалась «попечительская» политика правительства. Она диктовалась необходимостью удержать на горных заводах казны кадры квалифицированных потомственных рабочих от бегства на частные заводы и в необжитые районы Сибири.

Дореформенное законодательство позволяет охарактеризовать целостную картину льготного положения казенных мастеровых по сравнению с основной массой податного населения⁴.

Рабочие казенных заводов рассматривались законом как особая сословная категория со специфическими правами и обязанностями. Сословный статус рабочих складывался постепенно и принял законченную форму примерно в 40-е гг. XIX в. Казенные мастеровые были освобождены от уплаты всех государственных податей, от рекрутского набора, от уплаты городских налогов и земской повинности по мощению улиц. Им было разрешено нанимать вместо себя работника из других сословий и, становясь таким образом свободными, записываться в другие сословия. Разрешалось заниматься ремеслом, иметь свои заведения. Решением горного начальства они могли быть избавлены от телесного наказания.

Материальное положение их было обеспечено определенными гарантиями. За время работы им осуществлялась выплата жалованья или штатной сдельной оплаты. Независимо от характера или объема выполняемой работы им ежемесячно и бесплатно выдавался хлебный «провиант»-холостым работникам мужского пола по два пуда муки, женатым по четыре пуда, на их детей — по одному пуду (или 1,5 пуда, если мальчик работал на заводе и учился в заводской школе одновременно). Мастеровые казенных заводов имели право получить от заводоуправления сенокосный участок — по две десятины на каждого работника, а урочные рабочие (то есть рабочие казенных заводов, занятые в перевозках, заготовке древесного угля и других вне заводских работах) — по пять десятин сенокосной и пашенной земли. Рабочие имели право пожизненного бесплатного пользования участками покосной либо пашенной земли, расчищенной от леса собственным трудом работника. В июле-августе каждого года заводская администрация обязана была отпускать рабочих на сенокос на срок 20-30 дней, причем денежное жалованье и

провиант выплачивались им за это время как за рабочее. При болезни рабочие получали бесплатно медицинскую по мощь, медикаменты и содержание в заводском госпитале, при чем в это время им продолжали выплачивать половину жалования, а семьи обеспечивались провиантом на прежних условиях. Выходя в отставку по старости, болезни или увечью, они сохраняли за собой льготы казенных мастеровых и получали пенсии (а после смерти-их вдовы и дети) на основании общегосударственного «Устава о гражданской службе».

Пользовались они и другими льготами — бесплатным или за льготную таксу отпуском дров, стройматериалов из заводской дачи, фуражом и провиантом по заготовительной цене.

Чтобы оценить эффективность патерналистской политики правительства, необходимо принять во внимание то обстоятельство, что во время волнений горнозаводского населения частных заводов Урала в первой половине XIX в. нередко выдвигалось требование уравнивания рабочих частных заводов в правах с казенными мастеровыми. Практически сошли на нет побег казенных рабочих на частновладельческие заводы.

Льготы, предоставленные казенным мастеровым, имели, таким образом, характер сословных прав. Они были обусловлены самим фактом принадлежности к обществу мастеровых или непременных (урочных) работников, закреплены общегосударственным законом, обеспечены соответствующими статьями расходов государственного бюджета, передавались по наследству. Соответственно, они стимулировали корпоративный эгоизм, который являлся аналогом сельского местного «патриотизма», пришедшего в свое время на смену родовой идентичности.

Сословно-правовой характер социальной политики в казенной промышленности Урала был обусловлен двойственностью положения государства в отношении рабочих государственных предприятий: оно выступало одновременно и в ипостаси заводладельца, и в роли надсословной и надклассовой силы, выражающей общенациональный интерес. Как хозяин заводов казна была заинтересована лишь в обеспечении своих предприятий рабочей силой, по возможности более дешевой. Но как представитель общенационального интереса самодержавие могло решать этот вопрос, лишь рассматривая рабочих как объект государственного права, а следо-

вательно, специальной сословной политикой, при которой выполнением рабочими определенных повинностей были обусловлены и права состояния (сословные права). Как всякая сословная политика, патернализм является формой внеэкономического принуждения. Чтобы правильно понять это утверждение, необходимо иметь в виду то обстоятельство, что условный характер реализации сословных прав пронизывал российское общество насквозь. Достаточно указать на условно-ленную форму крупного землевладения, консервирующую крепостное право. При всех своих модификациях условная форма реализации гражданских прав всегда требует на практике создания системы административно-бюрократического контроля за мерой «участия» данного субъекта в общественном производстве и общественной жизнедеятельности вообще. В полном согласии, с социологическими законами эта бюрократическая система стремится к извлечению максимума выгоды из этой власти над личностью.

Именно в силу сословного характера государственного патернализма в уральской промышленности решающую роль в крушении этой политики сыграла реформа 1861 г., которая рассматривалась с полным основанием как сословная реформа. Реформа изменила сословное право: были расширены общегражданские права податных сословий, но вместе с тем были урезаны и сведены к минимуму сословные льготы некоторых категорий населения.

Горнозаводские люди лишились права на бесплатное провиантное обеспечение. Законом 8 марта 1861 г., на основании которого отменялся принудительный труд на казенных горных заводах, социальное страхование рабочих предоставлялось осуществлять «горнозаводским товариществам» (своеобразному аналогу профессиональных союзов с цеховой кассой), учреждение которых было разрешено тем из рабочих казенных заводов, которые заключили контракты не менее чем на годовой срок. Таким образом, социальное страхование было предоставлено сфере частного права. Точно так же в сферу частного права в основном переводилось и обеспечение работой. Переход на вольнонаемный труд сопровождался массовым локаутом.

Все эти обстоятельства тяжело сказались на положении десятков тысяч рабочих и их семей. При этом, несомненно, сказался и тот социально-психологический аспект, о котором после реформы упоминали практически все исследователи: крепостническая опека

привела к тому, что горнозаводское население отвыкло от необходимости заботиться о пропитании себя и своих семейств, от инициативы и самостоятельности.

Возникшую социальную напряженность правительство стремилось снять старым способом: предоставлением льгот в отсрочке платежей, налогов, в наделении землей. Это вело, в известном смысле, к воспроизводству прежней сословной структуры, хотя и на другом, более низком уровне. Ситуация в промышленности существенно изменилась. С каждым годом сословные границы оказывались все более размытыми из-за того, что сословная структура лишилась объективной основы: совпадения (хотя и до реформы не абсолютного) сословных и профессионально-производственных критериев социальной стратификации. Правительству все чаще приходилось прибегать к практике распространения льгот одних сословных категорий на другие.

Тем не менее патерналистская политика в отношении рабочих казенных заводов сохранялась в так называемых «обязательственных отношениях». Законоположения реформы 1861 г. обязывали администрацию предупреждать рабочих об увольнении за три месяца, а в случае внезапного увольнения им обязаны были выдавать содержание на три месяца. Мастерские были освобождены от призыва в рекруты и от уплаты земских повинностей. При закрытии завода его администрация обязана была в течение года бесплатно обеспечивать горнозаводское население провиантом и наделять рабочих максимальной нормой земельного надела.

«Обязательственные отношения» приводили, в частности, к тому, что производство казенных заводов искусственно поддерживалось правительством, даже если оно не имело от этого ни экономической, ни иной другой выгоды.

Результатом пореформенного развития трудовых отношений в промышленности в конечном счете стало фабричное законодательство, которое начало формироваться в 80-е гг. XIX в. и в основе своей было бессословным, всеобщим, как всякое буржуазное право в его адекватной форме. Тем не менее, пережитки сословно-правовой регламентации трудовых отношений еще долго сохранялись в казенной горнозаводской промышленности Урала. Основным мотивом патерналистской промышленной политики государства, которая по существу и являлась характерным примером со-

словно-правового, внеэкономического принуждения, в отношении рабочих казенных заводов было стремление удержать на заводах казны квалифицированных рабочих. Государственный патернализм в промышленности был устойчивой и традиционной формой производственных отношений.

В концептуальном плане эта проблема еще находится в стадии осмысления. Поэтому необходимо оговориться относительно ряда положений, высказанных как в нашей более ранней работе, так и в статьях других авторов. Мы полагаем, что нельзя отождествлять категорию патернализма с понятием попечительской политики. Попечительская политика заводовладельца (будь то государство или же Демидовы) является формой проявления патерналистских отношений, но одновременно продуцируется и другими сопутствующими факторами. Применительно к истории уральской промышленности, если судить по известным нам фактам, она получает развитие достаточно поздно. Патернализм же в этом плане более инвариантен и является исходным условием попечительской политики, даже если принимать его во внимание в традиционном ментальном плане. Иначе говоря, изучение попечительской политики заводовладельца, сколь бы тщательно оно ни было проведено, само по себе лишь обозначает факт наличия патерналистской модели отношений в промышленности, но может несколько не приблизить нас к ее пониманию, если не принимать во внимание этого различия.

Другой ошибкой является противопоставление патернализма принуждению, тогда как по сути своей он должен быть противопоставлен именно свободе трудовых отношений. Характерным примером такой путаницы является следующий тезис, высказанный относительно отношений между заводовладельцем и горнозаводским населением: «Не утратив своей феодальной сути, они не ограничивались уже исключительно прямым принуждением, но были дополнены патернализмом со стороны заводчика»⁵. В действительности же ни классический феодализм, ни крепостнические отношения в России не базировались на прямом принуждении (т.е. принуждении «по праву сильного»). Они строились на личностной модели отношений между господином и крестьянином, где функция принуждения прямо вытекала из патриархального статуса землевладельца как главы семейства, как «отца» для своих

крестьян, и именно так создалась как барин, так и его крепостными. В основе патернализма, как более поздней формы трудовых отношений, лежала именно эта архаичная личностная модель социума. Таким образом, патернализм в промышленности является вместе с самой промышленностью, и впоследствии изживается ею, а не наоборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Котляревский И. П. По поводу введения вольного труда на: водах и некоторых предстоящих перемен // Горный журнал, 1863, № 3; Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869; Менделеев Д.И. Уральская железная промышленность в 1899 году. // Менделеев Д.И. Соч. М.;А. 1949. Т.12.
- 2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 486-487.
- 3 Железкин В.Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Металлургические заводы и крестьянство. Екатеринбург, 1992. С.95-101; Неклюдов Е.Г. Идеи патернализма в социальной политике уральских заводчиков Демидовых в первой половине XIX века. // ... Тула, 199 . С.16-19.
- 4 Свод законов Российской империи. Т. 7. Устав горный. СПб., 1857. 98
- 5 Неклюдов Е.Г. Идеи патернализма в социальной политике... С.16.